

рассказ

Таяз Исхаки
(1878–1954)

ОДНАЖДЫ в самом начале войны в один из холодных ветреных вечеров, прослушав последние известия из Анкары и посидев в читальном зале на диспуте, я вышел на улицу. В библиотеке мне делать было больше нечего. Жизнь в городе замирала. В театрах и кино было уже тихо, лишь за закрытыми дверями баров и питейных заведений всё ещё кипела жизнь.

Неторопливо шагая по улице Машрутютя, я вышел к Городскому театру. Магистраль, по которой ходили трамваи, была переполнена кафе и пивными. Дабы не встречаться с пьяницами, которые таскались из одной пивнушки в другую, я отправился по узкому проулку в сторону улицы Истикляль. Чтобы скорее выйти из довольно тёмного проулка на свет, я ускорил шаги и прошёл уже половину пути, как навстречу мне вышла женщина и без всякого стеснения сказала:

– Бей-эфенде, не угостите ли кружкой пива?

Вместе со словами в нос мне ударил хмельной запах. Я поднял глаза. Передо мной, слегка покачиваясь, стояла довольно стройная, симпатичная на вид турчанка. Я окинул её взглядом с головы до ног. Она была ещё не затаскана, и мне стало жаль эту жертву нищеты.

– Что, понравилась? – улыбнулась девушка.

– Ну да, признаться, ты симпатична

мне, – сказал я. – Мы с друзьями заигрались в нарды, и я совсем забыл про ужин. Если согласна поесть со мной печёночного супа, пойдём.

Она тотчас согласилась. Мы пошли в ашхану на рыбном базаре.

Есть мне не хотелось, но я всё же заказал две порции супа. Знакомому официанту сказал:

– Пусть положат побольше чеснока.

Девушка жадно накинулась на еду. Я же ел не спеша, принуждая себя. Увидев, как она голодна, заказал ещё полпорции.

– Это тоже должна съесть? – спросила девушка.

– Да, да, ешь на здоровье.

Она молча уплетала свой суп и почему-то напомнила мне робкого ученика, стоящего у доски перед учителем, словно воды в рот набрав. Когда тарелка наполовину опустела, на лбу у неё между бровей заблестели крупинки испарины, на щеках заиграл румянец. Эти простенькие приметы добавляли ей привлекательности и увеличили мой интерес к ней. Подозвав официанта, я сказал:

– Сладкого у вас нет, но, может, у седа-молочника кисель молочный найдётся?

– Хочешь киселя? – спросил я.

Она как-то несмело улыбнулась и сказала:

– Я бы поела.

Официант, вернувшись, доложил:

– Киселя нет, но есть катык с мёдом.

Я взглянул на девушку. Она согласно кивнула.

Расправившись с катыком, хотел угостить девушку сигаретой.

– Куришь? – спросил я.

– *Валлахи*, ещё не привыкла, только пробую иногда, – призналась она, но сигарету взяла.

Сытная еда и выпитое делали своё – девушка чуть-чуть осоловела. Она по-сасывала сигарету, и вдруг веки её отяжелели. Я перепугался, что она уснёт, и торопливо встал.

Расплатившись за еду, сказал девушке:

– Теперь нам не помешает выпить по чашечке кофе.

Она согласилась. Зашли в кондитерскую. Магазин был почти пуст, только у окна сидела парочка и тихонько ворковала. Посадил девушку за столик против зеркала. Заказал два кофе средней крепости.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Макбуля, – ответила она, залпом опрокинув кофе.

Я взял свою чашку и сказал:

– Посмотри в зеркало. Видишь себя?

Макбуля, думая, что испачкалась чем-то, принялась разглядывать своё лицо.

– Разве не видишь, что ты здоровая, молодая, красивая? И как же с этой своей стройной фигурой, молодостью, красотой можешь ты шляться по улицам, не боясь греха? – запустил я в неё первую стрелу. Я думал, что она встанет и уйдёт, бросив мне: «А тебе какое дело?»

Но слова мои, похоже, подействовали, потому что она продолжала сидеть и даже потупила голову. Воспользовавшись этим, я продолжал:

– Природа дала тебе красоту, чтобы ты была счастливой. Интересно, знаешь ли ты кого-нибудь из девушек, ступивших на этот путь, кто стал бы счастливой? Ты понимаешь, что дорога эта приведёт тебя к гибели? До тебя на ней пропала не одна тысяча девушек. Сегодня ты молода, красива, здорова, все улыбаются тебе, говорят сладкие слова, угощают пивом, водкой. Но эти люди думают только о собственном удовольствии. Если заболеешь или износишься, поблекнет твоя красота, никто из них даже не взглянет в твою сторону и выберет ту, что будет моложе и здоровее. Тебя, как мусор, выкинут на улицу. Так что не теряй времени, девочка, пока не поздно, сходи с этого пути.

– Как же сойти, абый? – спросила девушка, не поднимая головы.

– Как?.. Ты можешь всё, было бы желание. Выйдешь замуж, создашь семью. Будет кому о тебе позаботиться. Станешь матерью семейства. Соседи с

уважением будут называть тебя: «Макбуля-ханум».

– Кто же на мне женится?

– А почему бы не жениться? На красивой такой женится кто угодно. Но если не оставишь улицу, конечно же, собственными руками захлопнешь дверь к своему счастью. Ты в полиции на учёте не состоишь?

– Нет, нет, не было такого!.. На этот путь меня дружки затянули. Не по своей воле я...

– В таком случае ладно. Но если будешь продолжать в том же духе, не приведи Аллах, и больницы не минуешь. А если кто-то подаст в суд, заявляя, что заболел, заразившись от тебя?! В тюрьме ведь окажешься. Ничем не болеешь?

Макбуля подняла глаза:

– *Валлаху*, абый, чиста я, ничего такого...

Кивком головы я подозвал официанта, заказал два кофе с пирожными. Мы продолжили разговор.

– Где живёшь?

– В начале улицы Тарлау, в доме итальянца, с такой же, как я, девушкой.

– Гостей принимаете?

– Нет... Мадам не разрешает.

– Сутенёр есть у тебя?

– Ходил один за мной, да я не согласна. Есть приятель, только боюсь я его. Такие, как он, и затянули меня. Был парень... Жениться обещал и бросил. После к другому попала. Этот тоже... Осталась без денег. Так и пошло...

– Понятно. Не ты одна такая. По молодости чего не натворишь! Только не стоит отчаиваться. Надо устроиться на работу. Портнихой, шляпницей, цветы продавать – хоть кем, лишь бы могла прокормить себя. Ну да ладно. Близкий человек, родственник какой-нибудь – сестра, тётя – есть у тебя?

Девушка тяжело вздохнула, глаза наполнились слезами.

– Мама есть. Я сбежала из дома с одним... Когда он бросил меня, хотела вернуться, да мама не приняла.

Макбуля горько заплакала.

Я понял, что это слёзы раскаяния, навеянные воспоминанием о счастли-

вых временах, и не стал мешать ей: пусть выплачется от души.

– Мама жива ещё?

– Да... Живёт на пенсию отца. На улице Мустафа-паши. У неё двухэтажный дом, маленький сад. Один этаж сдаёт квартирантам, а наверху жили мы с ней.

– Почему же ты не у неё?

– Говорю ведь, не пустила она меня. А я по ней так скучаю!

– А если мама примет, начнёшь новую жизнь?

– Конечно, бей-абый! Я же говорю: сбежала с негодяем одним... Вот и результат.

– Греха заведомо никто не планирует. Скажем, если ты села в поезд, который идёт на Кече-купер, тебя он туда и доставит. Но если есть возможность выйти на станции Саматия или ещё где-то, чтобы уберечь себя от беды, должна выйти из него.

– Поняла, бей-абый. Что мне делать сейчас?

– Надо вернуться к маме, найти работу. Сейчас работающие женщины нужны. Заработаешь что-то, даже если устроишься к швее ученицей. А уж потом встретишь суженого своего, замуж выйдешь, детьми обзаведёшься.

– Была я у мамы, она даже не взглянула на меня. Выгнала за ворота.

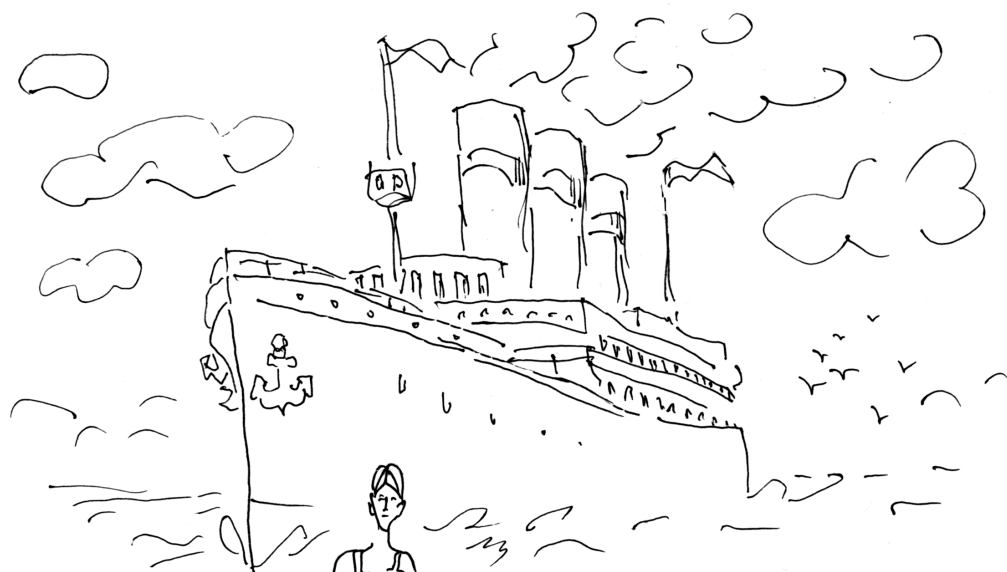
– Предоставь проблему мне. Только обещай, что на тот путь никогда больше не вернёшься. Подумай. Если точно решишься, завтра отведу тебя к матери.

Девушка удивлённо уставилась на меня.

– А вы кто, бей-эфенде?

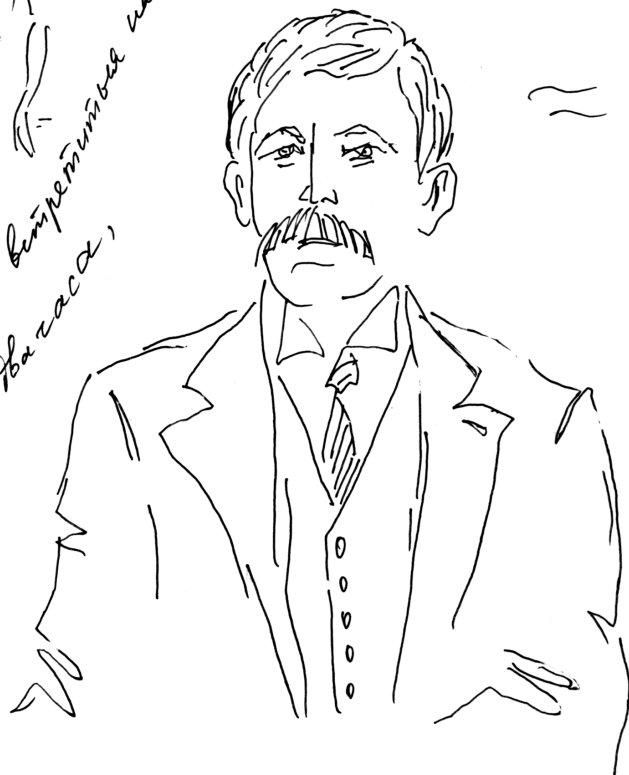
– Девочка моя, я просто человек, который видел и знает, что во многих случаях причиной несчастья людей становятся их ошибки, допущенные в начале жизненного пути. Увидев, что стоишь на краю гибели, с благословения Аллаха, стараюсь спасти тебя. Если не возражаешь, от слов хотел бы перейти к делу. Мне надо обговорить с тобой некоторые вещи.

– Да как же я могу возражать?! Я всей душой благодарю и до конца жиз-

Мы условились встретиться на Южном берегу
после обеда, в 16 часов,
на станковке
«Сиркази» →...

Стамбул, 1948

ни стану молиться за вас. Только боюсь, не удастся смыть мой позор... А что вы собираетесь делать?

– Расскажи мне, как и когда сбежала из дома. Подробнейшим образом опиши, что за человек твоя мама, какую жизнь она ведёт, и назови своё настоящее имя. При разговоре с твоей матерью я не стану говорить ей, что встретил тебя на улице. То, что скажу я, будет неправдой. Чтобы обман мой не вызвал подозрения, я должен получить от тебя точную информацию.

Девушка и рот раскрыть не успела, как дверь кондитерской с шумом распахнулась, и на пороге появилась пьяная женщина средних лет. Растрёпанные волосы закрывали половину лица, на голове чудом держалась мужская кепка, глаза красные, на лице блуждала безумная улыбка. За ней показался столь же взбаламученный мужчина. Женщина была настолько пьяна, что не видела людей и, как во сне, шла прямо на нас. Она пыталась сказать что-то, обернувшись к мужчине, но язык её заплетался, слова не клеились. Мужчина потащил свою даму к свободному столику и усадил на стул.

Макбуля смотрела на них, будто заворожённая. Я спросил:

– Они знакомы тебе?

– Ни в коем случае! Совсем человеческий вид потеряла, бедняжка.

– А ведь тоже когда-то была молодой и красивой.

– Да уберёжёт меня Аллах!

Девушка сказала это искренне, с чувством. Чтобы отвлечь её, я принялся пить чай и предложил ей:

– Пей, пока не остыл. Пирожные выглядят вполне аппетитно.

Имя её всё-таки оказалось Мабрура. Она со всеми подробностями пересказала свою историю. Ответила на вопросы о матери.

План мой на завтра был готов.

Мы условились встретиться на другой день после обеда, в два часа, на остановке «Сиркази», чтобы вместе отправиться на улицу Хаджи-Мустафы-паши, где жила её мать.

Вышли на улицу. Я боялся, что кто-нибудь из её знакомых начнёт приставать к девушке, позовёт в кафе, чтобы угостить спиртным, и тогда план мой рухнет. Поэтому пошёл провожать её до дому. Остановившись у ворот, сказал:

– Итак, завтра идём туда, где ты родилась, жила и, если Аллаху будет угодно, будешь жить и дальше. В дом, где служили *женазу* по умершему моему отцу, ты должна войти, как в мечеть, чистой. Завтра утром сходи в баню и оденься скромно.

Я дал ей денег на баню, и мы расстались.

На другой день, придя к двум часам в условленное место, я увидел преображённую Мабруру в скромной одежде. Без помады и румян на лице, причёсанную просто, на прямой пробор. В трамвае коротко изложил ей свой план и спросил, что ещё надо делать, чтобы мать поверила мне.

Она сказала, что мать её очень набожна. Если в разговоре будете употреблять арабские слова, почаще надо ссылаться на Коран, ей это понравится.

Пришли на улицу Хаджи-Мустафы-паши. Мабрура издала указала мне на свой дом и осталась стоять на перекрёстке, потому что здесь все её знали и ждать возле дома было бы неразумно. Встретиться договорились у озера Ядикуль.

Не спеша я пошёл к дому Фатимы-ханум. Для этого случая специально надел пальто с меховым воротником, взял толстую трость с серебряным набалдашником. Лаковые ботинки мои должны были произвести на жителей этого района впечатление, будто я – либо народной депутат, либо успешный бизнесмен. Негромко постучал в калитку своей знатной клюкой. Ответа не последовало. Постучал ещё.

– Кто там? – раздался женский голос.

– Это дом Фатимы-ханум? – спросил я. – Мне надо видеть её.

Слышу: в доме поднялась возня. Я поглядел по сторонам и заметил в окнах соседних домов головы женщин, которые с любопытством разглядывали

чужака. Мабрура наблюдала за мной издали. Калитка открылась, и я увидел женщину лет пятидесяти в платке. Она удивлённо смотрела на меня.

– Простите, ханум, я хотел повидаться со вдовой покойного Мустафы-бея Фатимой-ханум.

– Это я, бей-эфенде. Прошу вас, – пригласила она.

Я прошёл внутрь дома, оставив трость у двери. Разделся, снял шляпу и ботинки. Она почтительно наблюдала за мной. Прошёл в гостиную и сел, куда указала хозяйка.

– Добро пожаловать, бей-эфенде. Простите, я не знакома с вами.

– Я, ханум, знаю вас давно и осмелился побеспокоить по вопросу, касающемуся вашей семьи. Интерес к делу, которому служу, повысился, поэтому нас переводят в Анкару. Здесь мы жили в своём доме в слободе Ташвикия. Двухэтажный дом достался мне от отца. Нижний этаж сдаём, а на втором, в шести комнатах, живём сами. Трудности с жильём, дороговизна, понятно, есть везде – и в Анкаре, и здесь. Но до сих пор мы этого не замечали. В Анкаре с трудом и то с помощью друзей, нашли двухкомнатную квартиру, но у нас дети, ханум. Жена моя, спасибо ей, до сего времени свято соблюдает наши обычаи. Если в какой-то день за столом у неё не бывает гостей, она начинает волноваться: «Нас забыли, – говорит. – Факиха-ханум, видно, обижена на что-то. А что случилось с Асмой-ханум, уже две недели не появляется? И зятя дорогого не видеть, детишки заболели, что ли?» Сам я современные картёжные игры терпеть не могу, но проводить время в кругу друзей обожаю. Теперь и по радио интересные передачи послушать можно. Диспуты, беседы организуют. Двадцать пять лет прошло, ханум, как я женился. Мы уже старшую дочь нашу помолвили. Привыкли к этой жизни. Есть же поговорка: коли жизнь не приспособилась к тебе, так сам приноровись к ней. Из друзей есть у нас Ходжа Сабри-эфенде. Он учёный, какие теперь редки. Каждую пятницу у нас столуется. Речь свою стихами

из Корана пересыпает да историями из жизни Пророка. По правде сказать, я особой благочестивостью не отличаюсь, однако истории из счастливых времён, когда жив был Пророк, слушать люблю. Тяжела будет разлука не только с домом и родными местами, но и с такими вот друзьями. Но государство, думаю, понимает, что делает, знает, куда нас посылает. Мне до пенсии три года остаётся, Терплю поневоле. Слуга ваш покорный в Министерстве финансов служит.

– А что слышно о налогах на дом? Со времени кончины мужа я налог точно, день в день плачу. Малахат-ханум говорила, будто нашу улицу расширять собираются и некоторые дома будут сносить, А что будет с моим домом? Он тоже подлежит сносу?

– Нет, нет, ханум, я представитель финансов, то есть отношусь к руководству министерства. Вопросами налогов не занимаюсь, и к вам пришёл вовсе не по этому поводу. Поскольку нам предстоит жить в стеснённых условиях, кухарку свою вынуждены оставить здесь. Кухарка у нас чернокожая. По всей махалле нашей прославилась своими баклажанами, фаршированными мясом, и пельменями в бульоне. Сам я большой любитель хорошо поесть, поэтому переживаю. Но что делать? Мы не можем взять её с собой, нет у нас для неё места. Посмотрим, может, подходящую повариху найти удастся. А не удастся, так придётся терпеть, ничего не поделаешь. Я уже говорил, ханум, что занимаю высокий финансовый пост. Есть у меня секретарь, хотя и единственный. Честная, воспитанная девушка, человек высокой морали. Жена моя недолюбливает современную молодёжь, а её любит, как дочь. К сожалению, другого выхода нет, её тоже придётся оставить. В анкарской квартире слишком уж тесно, лишний раз не повернёшься. Девочка два года жила у нас и работала с осени 1937 года. Вначале она медленно печатала на машинке, но потом наловчилась так, словно уж сорок лет за машинкой. Девочка старательная, работала даже по ночам, лишая себя сна. Раньше она

жила у швеи Софи в соседнем доме, но после мы взяли её к себе. У нас она чувствовала себя, как в родном доме. Но что поделаешь, мы вынуждены расстаться. Девочка тоже привязалась к нам, ей будет тяжело. Она держалась, не показывала вида, молчала, но в последнее время совсем приуныла. В глазах тревога, словно ей грозит беда. Теперь мы с женой ломаем голову, не зная, кому доверить сироту, у которой нет ни матери, ни отца. Один из сотрудников готов сегодня же взять Мабруру к себе в секретари (произнося это имя, я краем глаза наблюдал за матерью, и мне показалось, что губы её дрогнули), однако как доверить ангела человеку, которого знаешь не очень хорошо? Жалко девочку. Чем ближе разлука, тем больше она страдает – похудела, побледнела, льёт слёзы, прячется от нас.

Кому доверишь девочку в таком большом городе? Она говорит: «У меня, кроме вас, нет никого. Если уедете, я не смогу жить». (Женщина при этих словах то краснела, то бледнела.) Мне, кажется порой, что есть у неё какое-то горе. Бойтся она чего-то. Я сказал жене: «Поговори с ней по душам где-нибудь в укромном месте, может, влюбилась в кого? (Что естественно, ханум, все мы были молоды, все прошли через это.) Если догадки окажутся правдой, до отъезда могли бы выдать девушку замуж, сыграть свадьбу и доверить её заботам мужа. А если объявятся родственники, пусть даже очень дальние, оставим Мабруру им. Потом можно и в дорогу. Совесть будет чиста.

Есть у жены моей слабость одна: уж очень любит она драгоценные камни. Как только появятся деньги, тут же бежит на большой базар и разглядывает самоцветы. Что понравится, покупает. Что тут скажешь, у каждого свои причуды. Я, например, не могу пройти мимо рукописных книг. Как увижу, сразу же покупаю. Читать Коран, написанный изысканной графикой, ни с чем не сравнимое удовольствие! Дома у меня, ханум, есть Кораны самых знаменитых калли-

графов. Словом, жена взяла с собой на базар Мабруру и стала расспрашивать: «Расскажи мне, что с тобою? Ведь я у тебя вместо матери». Девочка говорить не хотела, но жена была настойчива. «Я сбежала от мамы, – призналась Мабрура, – причинила ей большое горе». «Ах, девочка! – воскликнула жена. – Так вот почему ты страдаешь, столько слёз пролила!.. А мы разве не огорчали своих матерей? Посмотри на дочь мою, разве она не мучает меня? Это дело обычное. Возвращаясь к матери, поцелуй её и помирись». Мабрура отвечала: «Всё не так, как вы думаете. Я в глаза ей посмотреть не смею». – И горько заплакала. Нам неизвестно, что случилось между вами, ханум, в чём состоит её грех. Мы поискали и установили, что мать, которую обидела Мабрура, это вы. Жена собиралась прийти к вам с Мабрурой, но из-за сборов в дорогу, сами понимаете, времени не нашла, поэтому заниматься этим пришлось мне. Ханум, я пришёл, чтобы просить вас за Мабруру: простите её, пожалуйста. Как я уже говорил, мне неизвестно, что произошло между вами. Но что бы ни было, мать остаётся матерью, даже если дочь очень виновата перед ней! Простите ей грехи, как Аллах милосердный прощает рабов своих. Тогда уже и мы могли бы с лёгким сердцем отправиться в Анкару.

Из глаз женщины побежали слёзы.

– Простите, бей-эфенде, я не знаю вашего имени.

– Меня зовут Аунидыр.

– Ауни-бей, была у меня дочь по имени Мабрура. Она опозорила семью, растоптала уважение к отцу и матери. Я отреклась от своего ребёнка и назад принять не могу.

– Ханум, вполне возможно, что Мабрура совершила грех и заставила вас страдать. Но нельзя забывать, что грех она совершила по неопытности. Так что это, скорее всего, не грех, а ошибка. Но кто из нас не ошибался? Разве что сам Аллах. Подумайте, пожалуйста, хорошенько, ведь если не простите её, девочка останется совсем одна. И кто

знает, на какой путь выбросит её жизнь? Она молода, красива и если, не приведи Аллах, её совратят с пути праведного, не вы ли будете виновны в этом? И я, и жена моя очень просим: простите свою дочь ради всего для вас святого.

– А вы, бей-эфенде, верите в обещания моей дочери?

– Как себе самому, ханум. Позвольте мне привести её, пусть и нам достанется немного чести и хвалы за богоугодное дело.

Женщина подняла голову.

– Пусть будет, как просите, бей-эфенде, решаюсь, только ради вас.

Я поспешил к Мабруре.

Увидев меня, она побежала навстречу.

– Ну, как?

– Она вначале не поверила в искренность твоего раскаяния, но я убедил её. Согласилась только ради памяти отца и сказала: «Сбежит ещё раз, пусть на глаза мне больше не показывается!» Дальнейшее теперь зависит только от тебя самой. Пойдём! Перед мамой сразу же встань на колени, целуй ей руки. Завтра или в другой день принесёшь свои вещи. Но не сегодня. Сначала сдай их в камеру хранения на пристани Кадыкой. Если таксист узнает, где живёшь, знакомцы твои станут сюда таскаться и навлекут на тебя новую беду. Завтраймаешь другое такси и перевезёшь пожитки. В слободу Бейуглы несколько месяцев не показывай носа. Если встретишь кого-нибудь из прежних приятелей, покой твой как ветром сдует. Так и знай!

Слова мои девушка выслушала серьёзно, как приказ. Дойдя до дома, она остановилась, решимость покинула её. Я постучался. Когда калитка отворилась, подхватил Мабруру под руку и повёл в дом. Девушка только наклонилась, чтобы поцеловать матери руку, как Фатима-ханум тут же заключила её в объятия. Обе залились слезами. Я незаметно вышел на улицу и зашагал на остановку трамвая. На том миссия моя было завершена.

* * *

Прошли годы. Вторая мировая война, пробудившая во многих народах волю к независимости, неожиданно закончилась для каждого из них полной безнадежностью и разочарованием. Ни единая из довоенных проблем, которые, казалось, можно решить лишь силой оружия, решена не была. Война закончилась, оставив после себя ещё большую, невиданную доселе в истории нищету и болезни.

Всё, что человечество с величайшими трудностями копило многие тысячи лет, не только материальные ценности, но и сокровища духовной культуры, человеческую нравственность, на создание которых великие пророки разных народов – философы, идеалисты, писатели, святые – приложили невиданные усилия – всё это звери в человеческом облики потопили в море крови миллионов людей.

Война закончилась тем, что открыла дорогу ложной морали, лишённой всяческих человеческих чувств, позволила дикой своре с азартом завладеть миром.

Ни победителям, ни побеждённым окончание войны не принесло никакой радости. Мир оказался в хаосе, под угрозой новой войны.

Каждый был наедине со своими трудностями: отсутствием оливкового масла, угля, недостатком мыла, дороговизной мяса и прочими.

Эпизод моей жизни, связанный с Мабрурой, давно забылся. В один из базарных дней решил я навестить друга, который жил в Арканкое. Едва успев на пароход, идущий в Кадыкой, поднялся на верхнюю палубу. Мест там не оказалось, и я остался стоять. Я ещё и оглядеться не успел, как услышал:

– Ауни-бей, сюда идите, прошу вас, Ауни-бей, – звали кого-то сразу две женщины.

«Кто же этот счастливчик, которому приготовили место?» – подумал я. Внезапно передо мной появилась молодая женщина.

– Простите, Ауни-бей, – сказала она, – там для вас есть место.

Я удивился, сообразив, что Ауни-бей – это я, и молодая женщина, так по-свойски обратившаяся ко мне, вызвала у меня некоторую оторопь.

– Вы забыли Мабруру, которую однажды зимним вечером спасли от беды? Прошу, пойдёмте, мама тоже ждёт вас.

Тут я вспомнил случай, который произошёл в первый год войны. Чтобы скрыть своё замешательство, я воскликнул:

– *Машалла*, вы стали такой стройной, подросли, вас и узнать трудно. – Хотел вспомнить имя её матери, и сказал: – Маму вашу зовут Гайша-ханум, не так ли?

– Нет, нет, бей-эфенде, она Фатима.

Фатима-ханум смотрела на нас с улыбкой. Я тоже улыбнулся ей и подошёл к удобно расположившейся на диванчике Мабруре с ребёнком на руках. Полненькая девочка лет двух-трёх, похожая на фарфоровую куколку, держалась за подол матери.

Рядом с женщинами сидел мальчик лет четырёх.

– Встань, дорогой, – сказала Фатима-ханум четырёхлетнему малышу с чёрными, как агат, глазами, – пусть дядя сядет. И протянула мне ладонь.

– Я рада вам, Ауни-бей. Мы вас очень искали, очень. Я уж потеряла надежду и стала думать, что это был не Ауни-бей, а святой Хозыр Ильяс. Привёл ко мне дочку и исчез.

Я огляделся и, убедившись, что близости нет никого, кто знал бы, что я не Ауни-бей, решил продолжить старую роль.

– Так уж получилось, ханум. После того дня мы уехали в Анкару. Жене тот климат не подошёл. Да и квартира была слишком тесна. Заболела она... Там же справили дочке свадьбу.

– Иди сюда, сынок, – позвала Фатима-ханум мальчика, – поцелуй бею руку.

Ребёнок подошёл и неожиданно, подражая военным, щёлкнул каблучками и приложился губками к моей руке.

– Видно, военным будешь, сынок? –

сказал я и погладил малыша по голове. – Пусть Аплах даст тебе счастья. Как же зовут его?

– Мы дали ему ваше имя, бей-эфенде. Ауни он у нас.

– Девочка тоже ваша, ханум?

– Конечно, эфенде, её зовут Асмá. У зятя была подруга, которая умерла. Назвали в её честь. Асма наша у отца любимица. А младшего внука Тимером звать.

– Я рад, что Мабрура вышла замуж.

– Ей посчастливилось в том же году. Это вы, Ауни-бей, принесли в наш дом удачу. Зять похож на вас, такой же хороший человек. Торгует ягодами и фруктами. В Самании у него магазин. В Бандиде сад выращивает. Мы сейчас туда направляемся. Есть там у него небольшой домик. Останемся в саду. Ахмет будет приезжать – нельзя же бросить магазин.

– Как ваша ханум, бей-эфенде? – спросила Мабрура, делая вид, будто знакома с моей семьёй. – Как Лями поживает? А Фазыл, наверное, уже школу окончил?

– Всё хорошо. Я в Стамбуле по делу. Дети в Анкаре, – ответил я.

Фатима-ханум подозвала проходившего мимо разносчика.

– Что вы будете, бей-эфенде? – спросила она. – Чай или кофе?

– Спасибо, ханум, не беспокойтесь.

– Ну, нельзя же так, бей-эфенде! В тот раз я так разволновалась, что забыла угостить вас. Если бы вы знали, как корила я себя за это! Простите меня, неужели и сегодня не позволите угостить вас?

– Ну, хорошо, тогда кофе средней крепости.

– Три кофе средней крепости, – заказала Фатима-ханум.

Мальчик сказал:

– Мама, а мне чай.

– Я шоколада хочу, – подхватила девочка.

Принесли кофе. Мы пили его, и всем было хорошо так, словно дружбе нашей было лет сорок, не меньше. У лоточницы я купил девочке шоколад, а мальчику пригоршню конфет.

Пароход приближался к Хайдарпаше. Женщины встали. Фатима-ханум повернулась ко мне:

– Ауни-бей, вы знаете, где мы живём, приходите, когда сможете, зять тоже будет очень рад.

– Приходите вместе с вашей ханум, – добавила Мабрура. – Магазин Ахмета в Саматии напротив христианской церкви, на углу. Дорогу туда укажет каждый.

Мабрура пыталась поцеловать мне руку.

– Всё это благодаря вам, бей-эфенде. Мы никогда не забудем вас, – сказала она.

– Бею-зятю передайте от меня привет, – проговорил я.

Фатима-ханум сказала:

– Мы ему рассказывали о вас, он хочет познакомиться. Признаться, Ауни-бей, вы просто подменили мою дочь: она так внимательна ко мне. И к мужу с большим уважением относится. Я очень благодарна, у меня слов не хватает, чтобы выразить моё уважение и восхищение вами.

Семейство двинулось к выходу. Впереди Фатима-ханум с младенцем на руках, за ней, не спеша, шагала Мабрура, держа за руки мальчика и девочку. Она поправилась, округлилась немного. Было видно, что она уверенный в себе человек.

От той Мабруры, что лет пять-шесть назад, покачиваясь, возникла передо мной на тёмной улице Бейуглы, не оста-

лось ни капли. Теперь она, довольная и весёлая, с высоко поднятой головой, словно чемпионка, победившая в больших соревнованиях, идёт в купленный мужем сад и всем своим видом, казалось, показывает, что природа в этот солнечный день пышно цветёт лишь для неё одной.

Я тоже был несказанно доволен, что без особых усилий, просто проявив когда-то немного внимания и доброты, добился чудесного результата. Черноглазый малыш, как заправский солдат, щёлкнувший передо мной каблучками, был мне как бы наградой за мой скромный поступок. Пароход двинулся в сторону Кадыкоя, я же всё не мог освободиться от впечатления, навеянного встречей с Мабрурой.

Искренняя благодарность двух женщин была преувеличена во много раз по сравнению с той малостью, которую я для них сделал. Но она смыла в душе моей печаль, которую оставляла неблагодарность людей за мои по-настоящему добрые поступки, превосходившие эту малость в тысячу раз.

Случай этот лишний раз убедил меня в том, что не зря учат нас не быть равнодушными, делать добро, что для человека это просто обязательно.

Видеть, как радуются люди, как они счастливы, и сознавать, что ты причастен к этой радости, – наслаждение, которое нельзя сравнить ни с чем. Я и сегодня с большим удовольствием вспоминаю этот случай...

Стамбул, 1948 год

*Перевод
Азалии Килеевой-Бадюгиной*